
И. Спасибо-Фатеева, профессор кафедры гражданского права № 1 Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого, доктор юридических наук, член-корреспондент НАПрН Украины

Коллизия общих и специальных норм (на трех примерах судебной практики)

Аксиоматичное в недалеком прошлом деление права на отрасли в последнее время подвергается критике, выступает поводом для дискуссий в теории и порождает немало проблем на практике. Одной из них является коллизия норм различных отраслей права, по-разному регулирующих одни и те же отношения. Попыткой решить эти проблемы стала теория соотношения общих и специальных норм. В Гражданском кодексе (далее – ГК) Украины этому посвящена ст. 9.

Однако имеющихся теоретических и законодательных подходов недостаточно. Более того, становится очевидным, что они не способны ответить на все вопросы, возникающие при применении разноотраслевых норм, действующих одновременно. Как показывает анализ литературы по общей теории права, по отраслевым юридическим дисциплинам, а также материалов правоприменительной практики,

существуют серьезные разногласия между учеными, юристами-практиками (в том числе судьями) в понимании специальных норм права, относительно которых высказываются неодинаковые, порой диаметрально противоположные, суждения¹. Различные представления о специальных нормах права создают трудности в правоприменительной практике, затрудняют конструирование новых норм, что в конечном итоге неизбежно порождает

---

¹ Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М., 1982. – Т. 2. – С. 77–78; Черданцев А. Ф. Теория государства и права / А. Ф. Черданцев. – М., 1999. – С. 212–213; Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. – М., 2001. – С. 317; Общая теория права / под ред. А. С. Пиголкина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1995. – С. 162; Общая теория государства и права : академический курс : в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. – М., 1998. – Т. 2 : Теория права. – С. 227; Венгеров А. Б. Теория государства и права / А. Б. Венгеров. – М., 1996. – Т. I, ч. II : Теория права. – С. 151.

ет правоприменительные и правотворческие ошибки¹. Примерами тому могут служить коллизии (конечно, не единичные), приводимые в этой статье для демонстрации необходимости решения подобной проблематики на уровне закона или переориентации судебной практики на путь расширенного и обязательного толкования норм права. И если первое представляется более прагматичным для нашего общества (хотя стоит надеяться и на то, что законодатель все же озаботится принятием «закона о законах»), то второе требует времени, необходимого для нормализации новых принципов деятельности нашей судебной системы.

Прежде всего сделаем несколько оговорок. Во-первых, правило о соотношении общих и специальных норм диктует следующее: при их применении к одним и тем же (одинаковым) фактическим обстоятельствам необходимо руководствоваться подходом, что специальный закон отменяет действие общего². При этом специальные нормы уточняют общие, а общие устанавливают принципы и задают основополагающее направление для специального регулирования.

Во-вторых, кроме общих и специальных норм, в качестве разновидно-

сти последних выделяют исключительные нормы, устанавливающие иной порядок регулирования по сравнению с общими нормами, что является исключением из общего правила. Следовательно, противоречие может возникать между конкурирующими нормами, поскольку специальные должны следовать общим, уточняя их и учитывая определенные особенности тех или иных отношений.

В-третьих, наряду или параллельно с правилом о соотношении общей и специальной норм существует правило о действии закона во времени. Поэтому складываются ситуации, когда новым общим законом устанавливается норма, которая иначе регулирует отношения по сравнению со специальной нормой.

В-четвертых, правило об общих, специальных и исключительных нормах действует более или менее продуктивно в пределах одной области, но его действенность в межотраслевой сфере существенно уменьшается. Особенно это ощущается в условиях не просто конкуренции, а конфликта норм гражданского и хозяйственного права. Упреки в таком состоянии нормотворческой деятельности следует адресовать прежде всего законодателю, который сознательно или бессознательно допустил такое положение (что в любом случае его не оправдывает).

В-пятых, пока законодатель не определится с основными принципами соотношения публичного и частного права, с приоритетами, которые должны ставиться во главу угла при

¹ Специальные нормы в российском праве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.advo.irk.ru/page,1,95-specialnye-normy-v-rossijskom-prave>

² Загальна теорія держави і права : підруч. для студ. юрид. спец. вищ. навч. закл. / М. В. Цвік, В. Д. Ткаченко, Л. Л. Богачова та ін. / за ред. М. В. Цвіка, В. Д. Ткаченка, О. В. Петришина. – Х., 2002. – С. 318.

регулировании отношений, распространяющихся за пределы гражданского права, не представляется возможным решить ни гражданско-хозяйственный конфликт, ни коллизию между другими нормами права (гражданского и налогового, гражданского и конкурентного, гражданского и приватизационного и др.).

Пример первой коллизии – между нормами гражданско-правовыми, корпоративными и законодательства о банкротстве. Так, долгое время оставался без ответа вопрос о возможности созыва общего собрания акционеров на стадии санации акционерного общества (далее – АО). Причиной тому явилось несоответствие общих и специальных норм, по-разному регулирующих срок деятельности органов управления АО.

Общими являются нормы ГК, Хозяйственного кодекса (далее – ХК) и законов Украины «Об акционерных обществах», «О ценных бумагах и фондовом рынке», которыми регулируются АО и участие акционера в их деятельности. Согласно этим нормам общее собрание акционеров – это орган управления АО, участие в котором является правом акционера, предоставляемым ему акциями (ст. 167 ХК Украины, ч. 1 ст. 25 Закона Украины «Об акционерных обществах», ч. 1 ст. 6 Закона Украины «О ценных бумагах и фондовом рынке»). В этих законах предусмотрены также основания и порядок прекращения юридического лица (ч. 1 ст. 104 ГК, ч. 1 ст. 59 ХК) и, в частности, с правомпреемством, что может иметь

место как мера восстановления платежеспособности должника в процессе его санации для предотвращения банкротства.

Специальными являются нормы Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» (далее – Закон о банкротстве), в соответствии с которыми санация предполагает различные формы оздоровления должника, в том числе путем его реорганизации. Осуществляемая лицом, уполномоченным судом (управляющим санацией), санация требует особых правил управления, а также применения системных мероприятий, цель которых – восстановление платежеспособности должника.

Коллизия общих и специальных норм этих законов возникла вследствие того, что по общему правилу корпоративные права сохраняются у акционера до тех пор, пока существует АО, т. е. включая стадию его прекращения. По крайней мере, в этих законах об ограничении прав акционеров АО, находящегося на стадии санации, речь не идет. Вместе с тем согласно ч. 4 ст. 17 Закона о банкротстве в редакции Закона от 30 июня 1999 г. № 784-XIV со дня вынесения постановления о санации прекращаются полномочия руководителя должника, которые переходят к управляющему санацией, а также органов управления должника – юридического лица. Подобная формулировка приводила к неоднозначности в том, *о каких органах управления должника идет речь – обо всех или о некоторых.*

Относительно исполнительного органа проблем не возникает – он прекращает свою деятельность, и к управляющему санацией переходят все полномочия этого органа. Нет нужды и в деятельности наблюдательного совета как контрольного органа, осуществляющего надзор за исполнительным органом. Поскольку исполнительный орган в АО уже в этот период не существует, то и контролировать некого. Действия управляющего санацией контролирует хозяйственный суд.

Что касается общего собрания акционеров как высшего органа управления АО, его волеформирующего органа, решения которого представляют собой и одновременно направлены на реализацию корпоративных прав, то однозначного ответа нет. С одной стороны, в предыдущей редакции Закона о банкротстве указывалось на прекращение органов управления юридического лица, из чего следовало и прекращение полномочий общего собрания. С другой стороны, среди вопросов, которые отнесены Законом Украины «Об акционерных обществах» к компетенции общего собрания акционеров, следует прежде всего отметить: а) внесение изменений в устав общества; б) изменение уставного капитала. При этом внесение изменений в устав общества часто обусловлено изменениями размера уставного капитала либо реорганизацией АО. Таким образом, решение общего собрания акционеров по этим вопросам необходимо, поэтому оно должно созываться.

Ныне действует несколько иная редакция нормы Закона о банкротстве, касающейся полномочий органов должника: «приостанавливаются полномочия органов управления должника – юридического лица в отношении управления и распоряжения имуществом должника, полномочия органов управления передаются управляющему санацией, за исключением полномочий, предусмотренных планом санации (п. 4 ст. 28 в редакции Закона от 22 декабря 2011 г. № 4212-VI). Наблюдается не только замена термина «прекращаются» (полномочия) термином «приостанавливаются», но и уточнение этих полномочий. Однако это не снимает вопроса о том, кто и как будет осуществлять полномочия, предусмотренные планом санации.

Действующей редакцией Закона о банкротстве предусмотрены разнообразные пути санации. Это и реструктуризация (ч. 3 ст. 29), и увеличение уставного капитала должника (ст. 32), и возможность исполнения обязательств должника собственником его имущества (ст. 31). Все эти действия неизбежно повлекут за собой изменение уставного капитала должника, что должно происходить по решению общего собрания акционеров (ст. 156 ГК, п. 6 ч. 2 ст. 33 Закона Украины «Об акционерных обществах»), и никаких исключений из этого общего правила приведенные нормы не содержат. Реализация же ст. 31 Закона о банкротстве прямо предполагает принятие решений собственником, которым и является АО в лице его органов.

Следовательно, потребность в созыве общего собрания остается. Это и понятно, ведь меры, которые будут применяться в процессе санации под наблюдением суда, должны отвечать интересам не только кредиторов, но и акционеров, а потому согласовывать эти меры следует не только с кредиторами, но и с акционерами. Устранить акционеров от этого – означает не только решить судьбу АО в принудительном порядке, не только пренебречь гарантированными законом правами акционеров, но и заставить их подчиниться решению других лиц, принятому помимо их воли (без ее учета). Принуждение же в гражданских правоотношениях (и, в частности, корпоративных) допускается лишь в ограниченных случаях – поскольку это предусматривается законом. Поэтому следует установить, допускает ли закон такое принуждение по отношению к акционерам, и могут ли эти вопросы решаться другими органами или лицами либо институциями (управляющим санацией, судом). Учитывая, что управляющий санацией и суд являются лицами публичного права (они выполняют публичные функции и к тому же независимо от воли АО), они должны действовать только в пределах, определенных законом.

Среди полномочий управляющего санацией, предусмотренных п. 5 ст. 28 Закона о банкротстве, отсутствует внесение изменений в устав должника или изменение его уставного капитала. Перечень прав управляющего санацией исключительный. Закон не содержит четкого регулирования того,

кто и как будет выполнять план санации, а п. 4 ст. 28 прямо исключает действия управляющего санацией по выполнению плана санации. Оставляя в стороне эту проблематику, отметим лишь, что ни управляющий санацией, ни суд не уполномочены принимать решения во исполнение плана санации, заменяя высший орган АО – общее собрание, которыми подменяется его компетенция по вопросам увеличения уставного капитала и утверждение изменений устава.

Указанная позиция отражена и в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Украины от 24 октября 2008 г. № 13 «О практике рассмотрения судами корпоративных споров»¹, где указывается, что суды не вправе вносить изменения в устав общества в связи с тем, что это относится к исключительной компетенции общего собрания общества (п. 16).

Итак, если в плане санации АО содержатся такие способы восстановления платежеспособности АО, как реорганизация и дополнительная эмиссия акций, что влечет за собой увеличение уставного капитала АО – должника и внесение изменений в его устав, управляющему санацией необходимо обеспечить выполнение плана санации путем созыва общего собрания акционеров для решения этих вопросов, находящихся в их компетенции. В этом случае управляющий санацией выпол-

¹ Про практику розгляду судами корпоративних спорів : Постанова Пленуму Верховного Суду України від 24 жовтня 2008 р. № 13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: zakon.rada.gov.ua/laws/show/v0013700-08.

няет функции исполнительного органа АО по созыву общего собрания.

В соответствии с абз. 2 ч. 5 ст. 159 ГК, ч. 1 ст. 47 Закона Украины «Об акционерных обществах» внеочередное собрание акционеров созывается в случае неплатежеспособности АО, а также при наличии обстоятельств, указанных в уставе общества, и в любом другом случае, если этого требуют интересы АО в целом. Учитывая, что неплатежеспособность охватывает различные стадии, на которых находится должник при возбуждении дела о банкротстве в хозяйственном суде, в том числе санацию, созыв общего собрания на стадии санации этими законами не исключается.

Приведенный пример демонстрирует коллизию общих и специальной норм и доказывает необходимость ограничительного толкования судом специальной нормы, сопоставляя ее с общими нормами, что позволит соблюсти права акционеров и реализовать как общую, так и специальную норму.

Примером второй коллизии являются противоречия в регулировании условий и необходимости выплаты дивидендов банком, созданным в форме АО, значительный пакет акций которого принадлежит государству. Коллидируют нормы ГК, ХК, законов Украины «Об акционерных обществах», «О ценных бумагах и фондовом рынке», «О банках и банковской деятельности», с одной стороны, и Закона Украины «Об управлении объектами государственной собственности» – с другой.

Суть проблемы заключается в выплате дивидендов, поскольку согласно нормам законов первой группы право акционера на дивиденды связано со следующими условиями:

а) прибыльной деятельностью АО, которая позволяет распределять прибыль;

б) принятием общим собранием акционеров решения о начислении и выплате дивидендов.

Существуют и законодательно установлены запреты на выплату дивидендов. В частности, они содержатся в ч. 3 ст. 158 ГК и ст. 31 Закона Украины «Об акционерных обществах», согласно которым АО не имеет права ни принимать решения о выплате дивидендов, ни осуществлять их выплату при уменьшении стоимости чистых активов до размера, меньшего, чем размер его уставного капитала и резервного фонда, и в других случаях, установленных законом.

В свою очередь Закон Украины «О банках и банковской деятельности» определяет специфику выплаты дивидендов банками. Так, согласно ст. 35 этого Закона банку запрещается выплачивать дивиденды (независимо от вида акций) или распределять капитал банка в любой форме, если такая выплата или распределение повлечет за собой нарушение норматива достаточности (адекватности) регулятивного капитала.

Итак, направленность ГК, а также законов Украины «Об акционерных обществах» и «О банках и банковской деятельности» очевидна – это установление ограничений выплаты

дивидендов при наличии указанных в них обстоятельств. Ясна и обусловленность таких ограничений – распределение прибыли должно происходить только при ее наличии и с соблюдением требований поддержания нормативов достаточности капитала. Ведь в противном случае подобные выплаты могут поставить под угрозу существование банка как такового и, как следствие, негативно повлиять в целом на банковскую систему Украины.

Однако капитализация банков, состоявшаяся на основании Закона Украины «О первоочередных мерах по предотвращению негативных последствий финансового кризиса и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины», в результате участия государства в лице Министерства финансов Украины в формировании и/или увеличении уставных капиталов банков путем приобретения акций первичной эмиссии (долей в уставном капитале) банка или акций дополнительной эмиссии (дополнительных вкладов) банков в обмен на государственные облигации Украины и/или приобретения указанных акций за средства Государственного бюджета Украины привела к появлению или увеличению пакета акций банков, принадлежащих государству. Поэтому к АО, акции которых принадлежат государству, должен применяться Закон Украины «Об управлении объектами государственной собственности», в котором заложен другой подход к выплате дивидендов. Согласно этому Закону для АО, акции которого

принадлежат государству в любом количестве (или, как формулируется в этом Законе, «в уставных капиталах которых есть корпоративные права государства»), не предусмотрено условий выплаты дивидендов. Наоборот, для них установлена обязанность их выплаты и сроки такой выплаты.

Сопоставление трех законов («Об акционерных обществах», «О банках и банковской деятельности» и «Об управлении объектами права государственной собственности») демонстрирует коллизию норм о выплате АО дивидендов. В связи с этим требует ответа вопрос о том, какой из приведенных норм следует руководствоваться при принятии решения о выплате дивидендов, учитывая статус банка.

Ответ на этот вопрос может быть дан с использованием правила о применении общей и специальной норм. Однако трудно определиться с тем, какие нормы следует считать общими, а какие – специальными, и что будет основанием для этого. Следует исходить из особенностей субъектного состава, условий, порядка осуществления прав или несения ответственности и т. п.

Безусловно, общими будут нормы ГК и Закона Украины «Об акционерных обществах», который распространяется на все АО. Что касается законов «О банках и банковской деятельности» и «Об управлении объектами права государственной собственности», то как раз отнесение норм того или иного закона к специальным и является наиболее сложным.

В связи с этим необходимо отметить прежде всего следующее: то, какую норму и почему следует считать общей, а какую – специальной, из самих законов часто явно не следует. Так, ясно одно, что Закон Украины «Об акционерных обществах» определил, что специфическому регулированию подлежат только те АО, *все* акции которых принадлежат государству. Однако Закон Украины «Об управлении объектами права государственной собственности» расширил границы своего действия не только на государственные АО, но и на *все* АО, *независимо от пакета акций, принадлежащего государству*. Кроме того, что такой подход заведомо противоречив, он противоречит и конституционным принципам равенства всех собственников (всех форм собственности) – ст. 13 Конституции Украины, ч. 2 ст. 318, ч. 3 ст. 319 ГК Украины. Однако в отсутствие решения Конституционного Суда по этому поводу норма Закона Украины «Об управлении объектами права государственной собственности» об обязательной выплате дивидендов действовала и ее предписание подлежало исполнению.

Между тем важно выяснить, на какой круг лиц эта норма распространяется: на все АО, акции которых принадлежат государству, или исключение составляют банки, выплата дивидендов которыми регулируется Законом Украины «О банках и банковской деятельности». Если законодательно не определено то, какая именно норма будет специальной и относительно какой, то будем исходить из следующих принципов.

Во-первых, из степени общности и сферы (или объема) действия норм. Однако нередко по-разному трактуется само понятие сферы/объема, регулирующее воздействие нормы права, хотя в целом следует учитывать, что специальными являются нормы, предусматривающие определенные законом исключения из общего правила для особых случаев.

Во-вторых, необходимо учитывать степень абстракции признаков отношений, предусмотренных в нормах права (если общие нормы обеспечивают общее, то специальные – конкретное регулирование одного и того же предмета).

В-третьих, различаются нормы относительно определенных субъектов: специальными являются нормы, распространяющие свое действие на четко очерченный круг лиц, органов, организаций.

Поэтому общими будут нормы ГК и Закона Украины «Об акционерных обществах», а выбор специальных норм из законов Украины «О банках и банковской деятельности» и «Об управлении объектами права государственной собственности» следует сделать в пользу Закона «О банках и банковской деятельности» и вот почему. Этот Закон имеет специфику сферы своего регулирования и по субъектному составу, в результате чего его сфера уже по сравнению со сферой регулирования Закона Украины «Об управлении объектами права государственной собственности», ибо распространяется только на банки.

Если проследить цепочку норм об уплате дивидендов по степени специальности, то есть нормы, действие которых распространяются:

1) на все АО (ГК и Закон Украины «Об акционерных обществах»);

2) на АО, акции которых (корпоративные права в уставных капиталах) принадлежат государству – то есть их круг узок;

3) только на банки (наиболее узкая степень специального регулирования).

Кроме правил о соотношении общей и специальной норм, существует и правило действия закона во времени: «новая норма отменяет предыдущую». Одновременное применение этих двух правил («общая – специальная норма» и «действие норм во времени») удваивает сложность. Если Закон Украины «Об акционерных обществах» вступил в силу в марте 2009 г., Закон «О банках и банковской деятельности» – в 2000 г., то нормы Закона «Об управлении объектами права государственной собственности» о выплате дивидендов – в 2010 г. Однако можно утверждать, что с принятием закона, общая норма которого по-иному регулирует отношения, чем специальная норма другого закона, тем самым действие последней отменяется. Такой вывод также не однозначен и зависит от конкретных обстоятельств и конкретного регулирования, хотя в целом следует исходить из того, что когда законодатель прямо не дал понять, что он отменяет или приостанавливает действие специальной нормы, то он сохраняет ее в силе и она подлежит применению. В про-

тивном случае в заключительных положениях закона или в законе, которым вносятся изменения в определенный закон или в несколько законов, содержалась бы информация об отмене или приостановлении специальных норм, конфликтующих с новой нормой (хотя бы и общей). Поэтому специальная норма, не отмененная новым законом, должна применяться всегда.

Учитывая приведенные рассуждения и констатируя, что Законом от 23 декабря 2010 г. № 2856-VI, которым внесены изменения в Закон «Об управлении объектами права государственной собственности», не внесены изменения в Закон «О банках и банковской деятельности», нормы последнего в отношении ограничений на выплату дивидендов для банков сохраняются.

Пример третьей коллизии демонстрирует решение вопроса о наличии или отсутствии преимущественного права арендатора при приватизации объекта аренды. Проблема, которая при этом возникает, обусловлена различным регулированием прав и обязанностей участников арендных правоотношений, предусмотренных ч. 2 ст. 777 ГК и ч. 1 ст. 289 ХК, а также законами Украины «Об аренде государственного и коммунального имущества», «О хозяйственной деятельности в Вооруженных Силах Украины», «О правовом режиме имущества в Вооруженных Силах Украины», а также Положением о порядке отчуждения и реализации военного имущества Вооруженных Сил, утвержденным постановлением Кабинета Министров Украины от 28 декабря 2000 г. № 1919.

Если ГК содержит норму о преимущественном праве арендатора на приобретение объекта аренды в случае его продажи, то в нормах публичного законодательства отсутствует такое преимущественное право арендатора. Это послужило основанием для утверждения Верховным Судом Украины об отсутствии такого права у арендатора военного имущества, а Конституционным Судом Украины, напротив, о наличии такого права¹.

Анализ соотношения норм ГК и ХК доказывает, что к договору аренды может применяться специальное законодательство (ч. 2 ст. 759 ГК) и приведенные выше публичные законы. Что касается ГК и ХК, то сопоставление ст. 289 ХК и ст. 777 ГК не позволяет утверждать, что они соотносятся как общая и специальная, поскольку в них речь идет о разных правах, подвергающихся регулированию этими кодексами. Так, если ст. 777 ГК регулирует *преимущественные права* нанимателя/арендатора, то ст. 289 ХК – право арендатора *на выкуп* арендованного имущества. Усматривать в этих правах тождество нет оснований. Следовательно, некорректно ставить вопрос об их соотношении как

общей и специальной норм. Такой вывод можно сделать исходя из следующего.

Согласно ст. 777 ГК существуют такие условия возникновения у нанимателя (арендатора) преимущественного права на приобретение арендованного имущества:

- надлежащее исполнение им своих обязанностей;
- принятие арендодателем решения о продаже арендуемого имущества;
- наличие нескольких претендентов приобрести такое имущество.

В соответствии со ст. 289 ХК арендатор имеет право на выкуп объекта аренды, если такое право предусмотрено договором аренды. То есть в ХК не устанавливаются условия, при которых арендатор приобретает это право, кроме одного – если оно содержится в договоре аренды.

Из этого следует допустимость существования двух моделей арендных правоотношений:

- договор аренды устанавливает право выкупа арендатором арендованного имущества (ст. 289 ХК, ст. 705 ГК), в результате чего арендатор целенаправленно осуществляет свое право и выполняет свои обязанности по выкупу предмета аренды;
- договор аренды не содержит права выкупа, а преимущественное право приобретения предмета аренды предоставляется арендатору только в случае, если арендодатель принял решение об отчуждении им своего имущества.

Итак, ст. 777 ГК и ст. 289 ХК несопоставимы как содержащие общую и специальную нормы.

¹ Рішення Конституційного Суду України від 10 грудня 2009 р. № 31-рп/2009. дос у справі за конституційним зверненням приватного підприємства «Автосервіс» щодо офіційного тлумачення положень статей 177, 760, частини другої статті 777 Цивільного кодексу України (справа про переважне право наймача на придбання військового майна) [Електронний ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ccu.gov.ua/uk/doccatalog/list?currDir=6955>.

Если арендуется государственное имущество, то утверждение о наличии у арендатора преимущественного права приобретения такого имущества сталкивается с общим правилом о его отчуждении только на конкурсной основе. Отступить от этих правил невозможно, поскольку нормы, которыми устанавливается порядок отчуждения государственного имущества, являются императивными. Поэтому, естественно, что тендер (конкурс, аукцион) устраняет возможность для всяких преимуществ, в том числе и арендатора.

Насколько это правомерно или насколько такой вывод является верным – это вопрос, связанный не с применением специальных правил, ограничивающих сферу действия ст. 777 ГК, а с более общим вопросом о возможности и допустимости ограничения публичным правом норм права частного. При абсолютной нерешенности этого вопроса утверждать о пренебрежении предписаниями публичного закона, которым устанавливаются конкурсные основания реализации государственного имущества (независимо от того, находится оно в аренде или нет), нельзя. Именно поэтому позиция Конституционного Суда Украины, о которой упомина-

лось, вызывает небезосновательное сомнение.

Хотя по ГК арендатор имеет преимущественное право на приобретение арендованного имущества, его права заключаются несколько в ином – в праве пользоваться этим имуществом. И в этом праве он никоим образом не ограничивается даже в случае продажи государственного имущества на конкурсной основе другому лицу, ибо действие договора аренды продлится до окончания его срока. В случае же последующей продажи этого имущества его частным владельцем арендатор сможет реализовать свое преимущественное право в соответствии со ст. 777 ГК.

Приведенные в этой статье три примера коллизий общих и специальных норм убедительно свидетельствуют о необходимости уделить этому вопросу внимание со стороны не только законодателя, но и судебных органов. Тем более что последние порождают двойную коллизию, принимая противоположные решения и применяя различные подходы, негативно влияющие на осуществление и защиту прав участников правоотношений.

Опубликовано: Приватне право. – 2013. – № 1.